

ОСОБЕННОСТИ МЕКСИКАНО-АМЕРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ 1846–1848 ГОДОВ И ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ США

А. А. Слинько

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 июня 2018 г.

Аннотация: в статье анализируется процесс формирования стратегии глобальной экспансии США, отправными пунктами которой послужили аннексия Техаса и мексикано-американская война 1846–1848 гг. Отмечается, что внутренняя нестабильность в государстве – объекте экспансии, с одной стороны, и стратегическое значение страны для мировых политических процессов – с другой, формируют предпосылки для американского вмешательства. Подчеркивается, что бесконечные мексиканские революции той эпохи лежат у истоков теории современных цветных революций и глобального интервенционизма, который происходит именно в зонах политического вакуума.

Ключевые слова: политическая экспансия США, стратегическая точка мировых политических процессов, цветные революции, глобальный интервенционизм.

Abstract: the article analyzes the process of US global expansion strategy formation, the starting point of which was Texas annexation and Mexican-American war of 1846–1848. It is outlined that internal instability of the state – expansion object on the one hand, and strategic importance of the country for world political processes on the other hand, form prerequisites for American intervention. It is highlighted that endless Mexican revolutions of those times lie at the waterhead of modern color revolutions theory and global interventionism, which takes place exactly in the zones of political vacuum.

Key words: US political expansion, strategic point of world political processes, color revolutions, global interventionism.

Экспансия США – феномен, развивавшийся не одномоментно и имеющий под собой самую разнообразную и сложную подоснову.

Разновекторные геополитические тенденции несколько скрывали жесткую направленность американской экспансии на бывшие американские колонии.

Во-первых, США выступали изначально как союзник Франции в борьбе против английской экспансии.

Во-вторых, и это главное, испанская корона вела сложнейшую политическую игру, направленную на удержание своего влияния, позиционируя себя в XVIII в. как союзника США.

Тем не менее мексиканская историография подчеркивает изначально наличие экспансионистских планов уже у Дж. Вашингтона и его окружения, прежде всего, в отношении Техаса [1, р. 593]. Мексиканские историки, во-первых, предполагали наличие стратегического плана по присоединению Техаса; во-вторых, отмечают феномен тотального шпионажа за передвижениями мексиканских войск; в-третьих, подчеркивают наличие далеко идущей тактики подкупа высших чиновников Мексики. В этом же смысле отмечалось провоцирование столкновений и конфликтов между силовыми структурами, а высшей

кульминацией в деле ослабления противника считался внутренний мятеж. Глубоко конфликтная политическая ситуация в Мексике той эпохи сама провоцировала экспансионистов на решительные действия.

Однако при этом следует отнестись весьма осторожно к политическим аллюзиям прошлого века, поскольку за бурной американской экспансией середины прошлого столетия последовала катастрофическая гражданская война, затормозившая внешнеполитическое продвижение США.

Но при этом кристаллизовалась тактика «политической выдержки», которая на ином витке истории стала называться «изоляционизмом». Но в контексте глобальных геополитических трансформаций ее следовало бы назвать «стратегией ожидания». Ожидания удобного для раскручивания экспансии политического момента.

Так, в случае Техаса в начале состоялся «пробный» мятеж 1829 г. Второе восстание 1835 г. было уже поднято с учетом изучения политической манеры главнокомандующего генерала Санта-Аны, который успешно взял форт Эль-Аламо, уничтожив весь гарнизон, но попался в ловушку и был взят в плен. Тем не менее с жестоким генералом обошлись на редкость миролюбиво с дальним прицелом на продолжение экспансии. По мнению мексиканских историков, в частности Х. Диоса Ариаса, президент Мексики в

плону пошел в обмен на свободу на роковые для Мексики уступки [Ibid., p. 571], спровоцировавшие дальнейшие события.

Эта гипотеза получила косвенное подтверждение во время мексикано-американской войны 1846–1848 гг.

Так, 23 февраля 1847 г. в результате сражения у Буэна Виста генерал Тейлор отступил. 24 февраля колонна полковника Бланко и дивизия генерала Пачеко разгромили второй пехотный полк из Индианы. К концу дня американцы во главе с Тейлором отступили, но артиллерийская дуэль продолжалась. Характерно, что поле боя осталось за мексиканцами.

Но в итоге Санта-Ана дал приказ отступить, мотивируя приказ отсутствием снабжения, усталостью войск и опасностью беспорядочного отступления.

Но еще 12 марта мексиканцы были достаточно сильны, чтобы разгромить американский конвой из ста повозок, хотя уже в этот момент все осознавали призрачность надежд на победу. Тем не менее возникает вопрос, почему не было организовано снабжение, хотя это можно было сделать достаточно быстро.

Второй эпизод – это разгром американской штурмовой колонны в битве за Молино дель Рей 7–8 сентября 1847 г. при штурме Мехико: она потеряла 800 человек убитыми и ранеными. В целом, мексиканские историки убеждены, что противоречивые приказы Санта-Аны привели к потере Чапультепека. Наконец, вспыхнувшее народное сопротивление в Мехико после прихода американских войск не было поддержано Санта-Аной [3, p. 607–620].

В целом, версия об измене Санта-Аны в свете описанных событий представляется достоверной.

Однако не только и не столько в свете одной успешной американской кампании 1846–1848 гг. можно объяснить кристаллизацию модели американской глобальной экспансии. Мексика, на самом деле, была объектом тотальной агрессии старых держав, включая Англию, Францию и Испанию. США смогли вовремя почувствовать силу мексиканской армии и мексиканского народа, который в следующей народной войне разгромил и уничтожил часть одной из сильнейших армий того времени – французской.

Именно в это время сформировалась та политическая линия США, которая возобладает в XX в., а именно: проникать в регион – узел мировых противоречий и извлекать из ситуации максимальную выгоду, сталкивая старые державы и новые национальные силы между собой. Это имело место в Китае в начале XX в., во время периодов изоляционизма, во время Суэцкого кризиса.

Ныне логика глобальной экспансии, начавшейся в первой половине XIX в., выводит Соединенные

Штаты в бассейн Индийского океана, с которым они связывают свое продвижение в XXI в.

Таким образом, формируется два аспекта глобальной американской экспансии. Первый: образование внутренней нестабильности в государстве – объекте экспансии, которая характеризовалась бы мятежами, переворотами, конфликтами между силовыми структурами. Политический образец объекта экспансии – это Мексика 1829–1848 гг. По этому образцу выявлялось слабое звено на ближних и дальних, старых и новых границах США. К примеру, как отмечал профессор А. И. Уткин, президент Ф. Рузвельт называл Саудовскую Аравию новой границей Америки [2]. Второй аспект: вычленение стратегической точки мировых политических процессов, контроль над которой способствовал бы иррадиации политического и экономического влияния на как можно большее количество стран и территорий.

Мексика была таковой в XIX в., когда был нанесен смертельный удар европейской экспансии, а США удалось смягчить последствия гражданской войны и быстро вернуть международный престиж.

Бесконечные мексиканские революции лежат у истоков теории современных цветных революций и глобального интервенционизма, который происходит именно в зонах политического вакуума.

По мнению С. Хантингтона [3] и Р. Каплана [4], политический смысл современной военной активизации США состоит, скорее всего, в реализации плана «почетного» и медленного ухода с мировой арены. Американские исследователи отмечают, что такой уход может продолжаться столетие. Тем не менее новым объектом экспансии уже мыслится Индийский океан.

Таким образом, мексикано-американская война 1846–1848 гг. имела не только региональное значение, но и глубокую глобальную коннотацию. Это отправной пункт глобальной экспансии великой державы, которая только в начале XXI в. обнаруживает признаки торможения под воздействием миролюбивых наций.

Современный системный кризис вызвал в правящей элите США искушение возродить методику XIX в. в условиях современной «большой игры».

Особую опасность в этом смысле приобрела та часть «модели нестабильности», которая была связана с провоцированием конфликтов в силовых структурах стран – объектов агрессии. В современной Латинской Америке вершиной проамериканского заговора в этом смысле стал «мятеж Рембо» венесуэльской оппозиции О. Переса, который организовал бомбардировку с вертолета зданий МВД и Верховного суда. Однако «силовой сценарий» не сработал: мятежник и его соратники попали в окружение и были убиты в начале 2018 г.

Была предпринята и силовая попытка свержения правительства в Эквадоре, когда президента захватили и арестовали мятежные полицейские. Мятеж был мгновенно подавлен армией, но стало очевидно, что традиционный «конфликт силовиков» остался в арсенале американских экспансионистов.

Использование американизированных местных элит в своих целях, жесткий сценарий «правоцентристской революции» – аналога «цветных революций» Восточной Европы был апробирован в Гватемале. В результате к власти в 2015 г. пришел Джимми Моралес при поддержке механизма внешнего управления, созданного в США. Но уже в 2017 г. он выступил против контроля США над политической структурой страны.

Скрытая тактика подготовки агрессии применялась США не только в Латинской Америке. Еще в начале XX в. был проработан грандиозный сценарий вытеснения России из Северного Китая путем поддержки японской агрессии. В то время Япония выступила своеобразным агентом влияния США, видевших в России главного соперника.

Великая китайская авантюра США основывалась на опыте «глобальной победы» над Мексикой в середине XIX в., но в новых исторических условиях. Второй подобный сценарий на следующем витке истории имел место во второй половине XX в. в Турции. Турция, которая выступала с середины XX в. в качестве локального агента влияния США, вдруг в 2016 г. перестала удовлетворять растущим запросам «единственной сверхдержавы». Была сделана попытка заменить президента Р. Эрдогана на более лояльную фигуру. Наступившая антиамериканская реакция и сам провал сценария военного переворота стали полной неожиданностью для США.

Секрет подобного развития – в кумулятивном эффекте быстрого возвышения Китая и росте его экономического и политического влияния. Сама неизбежность подобного сценария была обоснована, в частности, в работах американского политолога Р. Каплана, но темпы китайского продвижения в направлении достижения преобладания в современном мире не смог предугадать никто. Еще в 2014–2015 гг. Барак Обама активно продвигал идею Транстихоокеанского партнерства, но уже в начале 2017 г. Дональд Трамп одним из своих первых актов аннулировал это соглашение как способствующее дальнейшему усилению Китая. В этом смысле показательно заявление государственного секретаря Р. Тиллерсона 2 февраля 2018 г., который заявил, что «в орбите КНР уже находятся Бразилия, Аргентина и Перу» [5]. Другими словами, тем самым было подчеркнуто, что медийно-разрекламированный экономический контроль США над этими странами реально не существует: в усло-

виях глобального отступления Америки вроде бы проамериканский крен элит Бразилии, Аргентины, Чили и Перу на самом деле оказывается прокитайской системой. Известным доказательством этому служит провал плана проамериканской оппозиции «тотального импичмента» бразильского левоцентристского правительства. Достаточно сложной и ловкой политической игрой М. Темер смог избавить страну от двойного импичмента и стабилизировать политическую ситуацию.

В Чили искусственная попытка вызвать столкновение левых и правых не увенчалась успехом. Левые и правые сменяли друг друга, сохраняя социальные достижения левых и благоприятный климат для бизнеса, «сконструированный» правыми. При этом экономическая ориентация на Китай успешно сохраняется.

Наконец, в Аргентине жесткие выступления перонистов и их союзников во время проведения пенсионной реформы через парламент показали хрупкость правого правительства. При этом стала очевидной невозможность отказа от разновекторной политики предыдущих перонистских режимов.

Мексиканская модель экспансии в XXI в. получила классическое воплощение на Украине. Использованы были в этом случае методы, вызывающие не только аллюзии, но и прямые аналогии с той далекой эпохой. Во-первых, конфликт регионов на Украине был не менее жестким, чем проблема Техаса и Юкатана. Во-вторых, конфликт в среде силовиков – ядро мексиканской модели – четко проявился на примере майдана. В-третьих, традиционные черты переворота – пронунсиаменто – отмечены в деятельности В. Наливайченко, председателя совбеза Украины, и его окружения. При этом В. Наливайченко открыто выступил как агент США в гораздо более прямой форме, чем Санта-Ана в XIX в. и А. Пиночет в XX в. Наконец, лидеры независимой Украины были давно уличены в коррупционных связях с США («дело Лазаренко»). Возникает много и других аналогий с Мексикой. К примеру, автохтонный протест Э. Сапаты и Ф. Вильи во время мексиканской революции вызывает аналогии с героическим сопротивлением Донбасса. Однако имеются и принципиальные особенности и отличия. Победа США в борьбе с Мексикой имела место в условиях ослабления традиционных экспансионистских держав (к примеру, Франции и Испании) и постепенного усиления США. США уже тогда успешно заняли медийное пространство, создав на века образ «жестоких мексиканцев», кочевавший до недавнего времени из вестерна в вестерн. Ныне ситуация принципиально иная. Произошла существенная геополитическая трансформация, а именно усиление Китая и России. Этапы существенного

ослабления американского влияния прослеживаются достаточно четко. Это:

– юго-осетинский конфликт и поражение проамериканского правительства в Грузии;

– в 2010 г. Китай вышел на второе место в мире после США по экономической мощи, оттеснив Японию;

– с 2014 г. Китай очевидно постепенно выходит на первое место по многим главным показателям экономического развития.

В этих условиях начался кризис и распад «вечной» мексиканской модели американской экспансии и родственных ей моделей цветных революций по всему миру. Разрушение мира и стабильности по старым и надежным рецептам было приостановлено.

Глобализм эпохи XXI в., в особенности модель «мейнстрима», безусловно, подходит для дальнейшей эксплуатации мексиканской модели, когда с помощью финансовой олигархии и подкупа руководства военно-административной системы совершаются захваты огромных территорий. Иракская война, ливийская интервенция – это современная классика мексиканской модели. Однако в 2010 г. произошел существенный сдвиг, морально оправдывать экспансионизм стало трудно: внутри США население наконец осознало неэффективность финансовой олигархии.

Воронежский государственный университет

Слинко А. А., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и мировой политики

E-mail: aleksandr_slinko@mail.ru

Tel.: 8-910-242-18-90

Дж. Стиглиц вынужден был отметить, что механизм экономической системы США работает на обогащение богатых, даже если для этого нужно отобрать еще больше у бедных [6]. Население стало скептически относиться к агрессивной и немотивированной территориальной экспансии. Сирия дала отпор США и их партнерам из Евросоюза и, скорее всего, станет местом, где «мексиканская модель» перестанет быть реальностью и станет наконец архаической утопией американских интервенционистов постфактической эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *México a través de los siglos.* – V. III. – Barcelona, Oceano, 1992.

2. *Уткин А. И.* Рузвельт / А. И. Уткин. – М. : Логос, 2012. – 672 с.

3. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2006. – 576 с.

4. *Каплан Р.* Месть географии / Р. Каплан. – М. : Колибри, 2015. – 384 с.

5. *El Pais.* – 02.02.2018.

6. *Сергеев В. М.* Политика «мейнстрима» и ее альтернативы в современном западном мире : на пути от мирового экономического кризиса к «невозможной политике»? / В. М. Сергеев, А. А. Казанцев, К. Е. Петров // *Полис.* – № 3. – 2017. – С. 8–29.

Voronezh State University

Slinko A. A., Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the International Relations and World Politics Department

E-mail: aleksandr_slinko@mail.ru

Tel.: 8-910-242-18-90